

Учительныя книги В. 3.

Епископа Михаила.

При чтеніи историческихъ Библейскихъ книгъ Ветхаго За-вѣта, встрѣчаются такія мѣста, которыя по способу пред-ставленія изображаемыхъ предметовъ, по особенному богат-ству образовъ, метафоръ, символовъ, а вслѣдствіе того по особенному слогу и языку, вообще по особенной формѣ изоб-раженія, замѣтно отличаются отъ простаго, въ формѣ лѣто-писи представленнаго, историческаго разсказа о событіяхъ, бывшихъ въ народѣ Еврейскомъ. Въ нихъ—этихъ особенныхъ мѣстахъ—извѣстный предметъ, мысль, не прямо и просто из-лагаются, а облакаются такимъ языкомъ, который кажется не чуждымъ нѣкоторой высокой искусственности, что особен-но замѣтно при простомъ, безхитростномъ языкѣ историче-скихъ повѣствованій; въ нихъ вѣетъ особенный духъ, особен-ная какъ будто жизнь, особенный образъ представленія, и потому особенный въ нихъ строй рѣчи и языкъ. Это—мѣста *поэтическія*. Но священная поэзія Евреевъ не ограничивается только этими немногими произведеніями, сохранившимися въ историческихъ книгахъ; это лишь небольшіе отрывки. Поэзія составляетъ одну изъ существенныхъ потребностей каждаго народа и болѣе или менѣе художественное развитіе ея у на-рода необходимо, какъ скоро онъ организуется въ цѣлый осо-бый народъ и, вышедъ изъ состоянія непосредственности, гдѣ онъ живетъ лишь прежними отрывочными воспоминаваніями о прошедшемъ, сознаетъ себя какъ народъ, чувствуетъ свои жизненныя силы, понимаетъ свое значеніе и назначеніе, твер-до смотритъ на свое прошедшее и будущее. И въ Еврейскомъ народѣ современемъ не могла не развиться эта потребность, не могло не быть и удовлетворенія ея, то есть не могло не явиться болѣе или менѣе обширныхъ поэтическихъ произве-деній, какъ болѣе или менѣе ясныхъ выраженій поэтической стороны народнаго духа, выраженій въ поэтической формѣ возрѣвѣній на міръ Божій и жизнь міра и духа. И такія про-изведенія дѣйствительно появлялись, и многія важнѣйшія изъ нихъ вошли въ канонъ Священныхъ Еврейскихъ книгъ, какъ Богодухновенныя, писанныя подъ вліяніемъ Духа Іеговы, очи-

щавшаго и возвышавшаго въ лицѣ св. избранниковъ поэтическое воззрѣніе народное, сообщавшаго имъ характеръ истинности и предохранявшаго отъ примѣси лжи. Эти поэтическія книги, по особенному характеру Еврейской поэзіи, выражающейся во многихъ изъ нихъ, называются *учительными*,— *дидактическими*, хотя это слово и не выражаетъ вполне дѣла. Таковы книги - Іова, Псалтирь, Притчи Соломоновы, Екклезіастъ, Пѣснь Пѣсней, Плачь Іереміи. Впрочемъ, этими книгами не исчерпывается вся полнота Еврейской поэзіи; важнымъ и необходимымъ восполненіемъ ея служатъ нѣкоторыя мѣста въ пророческихъ книгахъ Вѣтхо-Завѣтнаго канона, гдѣ пророки не рѣдко въ чисто и высоко-поэтической формѣ представляютъ извѣстные предметы внѣшняго и духовнаго міра. Другія поэтическія произведенія, какъ лишенныя характера Богодуховности, не вошли въ канонъ Священныхъ книгъ, и или утратились, какъ напримѣръ книга „Браней Іеговы“, „Приточки“, „книга Праведнаго“ и многія изъ пѣсней и притчей Соломона, или сохраняются какъ книги только полезныя, какъ, напримѣръ, книги Премудрости Соломона и Сираха. Объ апокрифахъ позднѣйшихъ не говоримъ уже. Само собою разумѣется, что поэтическій образъ представленія въ Еврейскихъ священныхъ книгахъ нисколько не идетъ въ ущербъ истинности исторической, или пророческой, или вообще въ какомъ бы то ни было смыслѣ истинности изображаемыхъ воззрѣній на вселенную— въ обширномъ смыслѣ слова; у священныхъ писателей это—одна изъ формъ откровенія. Прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію поименованныхъ учительныхъ или поэтическихъ книгъ, намъ надобно I) вкратцѣ прослѣдить исторію развитія Еврейской поэзіи, II) разсмотрѣть ея общій характеръ, общее содержаніе и форму, III) наконецъ—раздѣленіе или роды Еврейской поэзіи.

I.

1) Въ Моисеевыхъ книгахъ мы находимъ слѣды поэзіи далекой древности; только они, по отрывочному характеру своему (вѣроятно, какъ отрывки изъ длинныхъ пѣсней), не могутъ подлежать изслѣдованію, за неимѣніемъ другихъ данныхъ для изслѣдованія ихъ. Такова, напримѣръ, пѣснь о Ламехѣ, изъ которой только малая часть сохранена; она, какъ видно, была сложена строфами или стихами; по крайней мѣрѣ въ ней есть метръ и параллелизмъ членовъ. „И сказалъ Ламехъ женамъ своимъ: Ада и Цилла послушайте словъ моихъ; жены

Ламеховы, вслушайтесь въ рѣчь мою. Я убью мужа, который поранить меня, и отрока, который ударить меня. Если за Каина должно быть отмщено въ семеро; то за Ламеха въ семьдесятъ разъ въ семеро (Быт. 4, 23—24). Но о характерѣ и значеніи этой пѣсни, говоримъ, ничего опредѣленнаго сказать нельзя. Подобный характеръ имѣеть рѣчь Ноя, въ которой въ пророческомъ духѣ предрекается будущая участь сыновъ его (Быт. 9, 25—27). Третье болѣе полное и пространное произведеніе патриархальной поэзіи древнѣйшей— это благословеніе Иаковомъ сыновъ своихъ (Быт. 49). Судьбы будущія потомковъ Иакова здѣсь изложены въ поэтической формѣ, съ сохраненіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже метра, хотя какъ и въ прежнихъ двухъ отрывкахъ не вездѣ одинаковаго. Вотъ примѣры поэтической образности и сохраненія метра и параллелизма этой рѣчи или пѣсни. „Сойдитесь и послушайте меня сыны Иакова, послушайте Израиля отца вашего. Симеонъ и Левій—братья, орудія жестокости мечи ихъ, въ тайну ихъ да невидеть душа моя: и къ сонмищу ихъ да не приобщится слава моя. Ибо они во гнѣвѣ своемъ избили мужей, и въ своевольствѣ своемъ перерѣзали жилы тельцовъ. Проклятъ гнѣвъ ихъ, ибо жестокъ, и ярость ихъ, ибо свирѣпа и проч. Иуда—юный левъ, ты съ левитвы идешь, сынъ мой; онъ преклоняется на колѣна, возлегаетъ какъ левъ, какъ молодой лъвенекъ, кто возбудитъ его? Онъ привязываетъ къ виноградной лозѣ осленка своего и къ лозѣ превосходнаго винограда— сына ослицы своей; оmyваетъ виномъ одежду свою, и кровью гроздовъ—одѣяніе свое. Очи его червленѣютъ отъ вина и зубы его бѣлѣютъ отъ молока“, и проч. Поэтический параллелизмъ здѣсь замѣтенъ съ перваго взгляда, и нѣкоторая высокая искусственность, съ какою здѣсь изображена вся эта рѣчь, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, хотя, какъ замѣчаетъ Евальдъ, метръ во всѣхъ этихъ древнихъ поэтическихъ отрывкахъ не имѣеть совершенства позднѣйшихъ поэтическихъ произведеній Еврейскихъ. Это драгоценный остатокъ изъ поэзіи глубокой древности, по которому можно нѣсколько судить, какъ, при строгой истинѣ и чистотѣ, возвышенна была эта древняя непосредственная поэзія. Нѣтъ сомнѣнія, что показанными отрывками не ограничивалась поэзія тѣхъ временъ а были и другія произведенія ея, ибо въ предметахъ воодушевленія поэтическаго не было недостатка въ патриархальный періодъ Еврейскаго народа у этихъ мужей, которые ходили съ Богомъ, которыхъ взоръ проникалъ въ

таинственные судьбы прошедшаго, настоящаго и будущаго, руководимый лучем откровения,—мужей, жившихъ еще въ младенческомъ состояніи рода человѣческаго, когда еще непосредственность міросозерцанія мало распалась, когда человѣкъ во всей вселенной живо видѣлъ и ясно ощущалъ образъ Божественнаго присутствія въ формахъ болѣе чувственныхъ, и смотрѣлъ на все съ юношеской восторженностію, которую окрыляли и очищали, и которою управляли непосредственныя откровенія Бога Іеговы. Но кромѣ указанныхъ пѣсней, памятниковъ священной поэзіи тѣхъ временъ не сохранилось. Въ бытность Еврейскаго народа въ Египтѣ, когда, не смотря на сильныя пренятствія, быстро организовалась народность Еврейская, конечно, не могло не быть поэтическихъ произведеній, которыми народъ могъ нѣсколько усладить свою грустную судьбу. Покрайней мѣрѣ, мы видимъ, что непосредственно по выходѣ народа изъ Египта, слагались поэтическія произведенія, что указываетъ уже на развитую въ народѣ потребность поэзіи; но письменныхъ памятниковъ поэтическихъ отъ этого періода также не сохранилось; можетъ быть, сильный гнетъ со стороны Египтянъ препятствовалъ распространенію этихъ поэтическихъ произведеній; можетъ быть, давилъ и задерживалъ развитіе самыхъ потребностей, какъ бы то ни было, только говоримъ, отъ того времени ничего не сохранилось въ этомъ отношеніи.

2) Великое, составляющее эпоху въ жизни Еврейскаго народа событіе, исшествіе его изъ Египта, не могло не сопровождаться сильнымъ возбужденіемъ и быстрымъ полетомъ народной поэтической фантазіи. Великія чудеса Божіи, явленные въ это время, доставляли ей предметы для творчества и окрыляли ее; это стремленіе не могло теперь ничѣмъ задерживаться въ своемъ обнаруженіи,—обстоятельства давали ему высоконравственное религиозное направленіе, и вотъ въ *періодъ Моисея*, когда пародъ Еврейскій, праздновалъ, такъ сказать, свое рожденіе, полнѣе узналъ волю Божию о судьбахъ своихъ, когда теократія выразилась ясно и положительно,—въ этотъ важный періодъ является Еврейская поэзія въ болѣе обширныхъ произведеніяхъ, съ силою и величіемъ, простотою и таинственностію,—богатствомъ, свѣжестію и живостію образовъ. Такъ, какъ только перешли Евреи Черное море, и вода покрыла погнавшихъ за ними Египтянъ,—Моисей и сыны Израилевы воспѣли Господу величественную пѣснь,—въ которой весьма замѣтенъ параллелизмъ членовъ и

стихотворный размѣръ, при величїи и силѣ образовъ. Замѣчательно, что пѣніе этой пѣсни сопровождалось инструментальною игрою и свящ. ликованїями (Исх. 15, 20 д.). Если у Евреевъ въ это время, а слѣдовательно и нѣсколько раньше,— въ Египтѣ, были священная музыка и свящ. ликованїя: то это обстоятельство должно было имѣть такъ же сильное вліяніе на развитіе народной поэзіи, будучи само порожденіемъ этой поэзіи; ибо всегда и всюду, какъ только появляется въ народѣ музыка и ликованїя, — это сопровождается возбужденіемъ народной фантазіи и умноженіемъ поэтическихъ произведеній.— Весь строй приведенной пѣсни Моисея и сыновъ Израилевыхъ показываетъ, что она назначена была современемъ занять мѣсто въ храмовомъ Богослуженїи; ибо такой *правильный*, стихотворный размѣръ, какъ кажется примѣненный къ аккомпанементу музыкальныхъ орудій, свойственъ именно тѣмъ пѣснямъ, которыя назначались для общественнаго Богослуженїя,—какъ это видно изъ сравненїя ея съ Псалмами. Къ высоко-поэтическимъ произведенїямъ этого же времени принадлежатъ послѣднія рѣчи Моисея къ народу Еврейскому; наприм. Втор. 32 и 33. Хотя не вездѣ здѣсь параллелизмъ рѣчи, какъ это въ чистыхъ поэтическихъ произведенїяхъ; но однакоже онъ есть во многихъ мѣстахъ. Вдохновенный вождь Евреевъ, смотря въ даль будущую народа, говоритъ ему въ образахъ могучихъ и живыхъ, и рѣчь его, импровизированная, часто вливается въ формы параллелизма и строфы, и принимая видъ высокой искусственности является высоко-поэтическою, хотя эта поэзія не чистая, какъ удовлетвореніе поэтическимъ потребностямъ народнаго духа,—а служитъ лишь орудіемъ, средствомъ для достиженїя другихъ цѣлей,—убѣжденїя или устрашенїя. Поэзіей дышатъ и многіи другія рѣчи Моисея, хотя въ нихъ она ограничивается лишь частными фигурами, метафорами и притчами,—рѣдко принимая форму параллелизма и строфы. Наконецъ, сюда же должно причислить вдохновенныя рѣчи Валаама, хотя онъ и не былъ собственно Еврей (Числ. 23, 7 и д.), но въ нихъ дышетъ духъ Іеговы, какъ и въ Еврейскихъ пѣснопѣвцахъ, таже живость и сила образовъ, таже истина изображаемаго, тотъ же вѣрный строй рѣчи. Кромѣ этихъ, сохранившихся въ книгахъ Моисеевыхъ, вдохновенныхъ произведеній поэзіи были въ этотъ періодъ и многія другія произведенїя, какъ можно заключать изъ указаній тѣхъ же книгъ. Такъ въ нихъ упоми-

нается о народныхъ поэтахъ подъ именемъ Приточниковъ (Числ. 21, 27), которые заслужили это имя безъ сомнѣнія своими народными поэтическими произведеніями. Можно догадываться, что были даже дѣльныя собранія народныхъ пѣсней; такова, можно думать, была „книга брани Іеговы“, упоминаемая въ книгѣ Числъ (21, 14), въ которой воспѣвались великія дѣла Іеговы, явленныя въ народѣ Еврейскомъ во время чудеснаго странствованія его по пустынь.

Этотъ духъ поэзіи поддерживался въ народѣ и по смерти Моисея, при занятіи и послѣ занятія земли обѣтованной, и можетъ быть по временамъ разгарался съ большою силою, чему способствовалъ характеръ самой земли, на которой поселился народъ и особенныя обстоятельства занятія ея. Въ самомъ дѣлѣ, рѣдкая земля въ этой полосѣ Азіи была такъ способна возбуждать и питать поэтич. чувство народа, какъ земля обѣтованная, — и только неблагоприятныя политич. обстоятельства и внутреннія смуты послѣ І. Навина до Самуила могли развѣ удерживать обнаруженіе поэтическихъ силъ народа или сдавливать ихъ. Прелесть здороваго и чистаго климата, роскошь и нѣга прекрасной природы, величественныя, какія только на востокѣ быть могутъ, — явленія въ природѣ, на небесахъ и на землѣ; густыя, величественныя массы облаковъ зимой, чистота и нѣга атмосферы лѣтомъ въ тихіе мѣсяцы; поразительныя бури съ восточными громами и молніями въ др. мѣсяцы; увѣнчанныя снѣгами вершины горъ рядомъ съ восхитительными долинами и равнинами, залитыми роскошными растеніями, съ бурными потоками и тихими ручейками; видъ безграничнаго моря со всеми разнообразными явленіями на немъ; великолѣпіе и разнообразіе растительнаго царства, начиная съ огромныхъ кедровъ Ливанскихъ и великолѣпныхъ дубовъ Васанскихъ и вѣковыхъ теревинфовъ, до малыхъ прекрасныхъ лилій, которыя живописно покрывали скалы; — кратко — все, что разнообразнаго и великолѣпнаго соединилось на этой небольшой землѣ въ нѣсколько сотъ квадратныхъ верствъ, — все способно было сильно возбуждать народную фантазію къ сложенію поэтич. произведеній, особенно въ народѣ юномъ, полномъ могучихъ силъ духовныхъ. Къ этому присоединились многія чудеса, которыя являлъ Богъ среди народа своего, великія дѣла великихъ, возбужденныхъ духомъ Божиимъ, людей, управлявшихъ Израилемъ и защищавшихъ его отъ внѣшнихъ враговъ. Собраніе народныхъ пѣсней изъ этого періода было извѣстно подъ именемъ „кни-

ги праведнаго“, которая, по изслѣдованіямъ и догадкамъ ученыхъ, была не что иное, какъ сборникъ хвалебныхъ, благодарственныхъ и молитвенныхъ пѣсней въ честь или умило- стивленіе Бога Іеговы, а такъ же въ честь великихъ мужей Израильскаго народа, пѣсней, составлявшихся или этими самыми мужами, или народными пѣвцами, или левитами и священниками. Это собраніе началось около времени І. Навина, можетъ быть еще ранѣе (Нав. 10, 13). Въ нашихъ историческихъ книгахъ этого періода не много помѣщено вдохновенныхъ произведеній поэзіи этого времени. Сюда относятся нѣкоторыя мѣста изъ рѣчей Навина, гдѣ впрочемъ не всегда находится параллелизмъ, еще меньше метръ и строфы,—гдѣ есть только величественная и живая образность; потомъ—описаніе бури при пораженіи соединенныхъ силъ Адониседека и др. Хананейскихъ царей (Нав. 10, 10—14); пѣснь Девворы и Варака (Суд. 5, 2—31); притча Іоана (9, 8—15). Особенно замѣчательна рѣчь Девворы; въ ней не только параллелизмъ членовъ, но и метръ и строфы; въ ней много новыхъ и свѣжихъ образовъ, что все сообщаетъ ей характеръ чисто и высоко поэтической. Сюда же должно отнести притчи и загадки Сампсона, и наконецъ—хвалебную пѣснь Анны, матери Самуила, записанную въ первой книгѣ Царствъ (гл. 2), также съ соблюденіемъ параллелизма членовъ, метра и строфы.

3) Но самое цвѣтущее состояніе Еврейской поэзіи было въ вѣкъ Давида и Соломона. Многія обстоятельства, кромѣ уже высказанныхъ, способствовали тогда возбужденію и оживленію поэзіи въ народѣ Еврейскомъ. Первое мѣсто безъ сомнѣнія занимаетъ здѣсь великое народное движеніе, окончившееся перемѣной правленія,—избраніемъ и поставленіемъ царя, и важныя слѣдствія этой перемѣны. Народъ послѣ перваго царя, при второмъ и третьемъ, достигъ великаго могущества и славы; онъ не чувствовалъ гнета со стороны чуждыхъ сосѣднихъ народовъ; царство Еврейское расширилось, разбогатѣло, организовалось крѣпче, а съ тѣмъ вмѣстѣ сосредоточеннѣе и полнѣе развивались силы народныя; совершенно много великихъ дѣлъ; народъ много видѣлъ великихъ дѣйствій,—Іегова продолжалъ могущественно дѣйствовать чрезъ избранныхъ имъ вдохновенныхъ его силою мужей.—Вотъ почему въ продолженіе этого періода находимъ частыя упоминанія въ нашихъ историческихъ книгахъ о пѣсняхъ народныхъ и музыкѣ. Взойдемъ въ нѣкоторыя частности. Вслѣдствіе дви-

женія народнаго, окончившагося переменной формы правленія, великій вождь народа Самуиль съ своей стороны,—кажется частію въ ограниченіе новоучрежденной царской власти, которой угрожала опасность при новости ея и юности народа превратиться въ восточный деспотизмъ, или въ предостереженіе злоупотребленій этой власти, а въ случаѣ злоупотребленія ею и—въ обличеніе и удержаніе; съ другой стороны въ ограниченіе Іерархической власти, чтобы она не подверглась злоупотребленію, какъ было наприм. при Иліѣ; наконецъ какъ бы для посредства между Іеговою, царемъ, Іерархією и народомъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ,—Самуиль, говоримъ, учредилъ такъ называемыя пророческія училища,—пользовавшіяся великимъ уваженіемъ въ народѣ, въ которыхъ были многіе великіе органы непосредственныхъ Божественныхъ откровеній. Изъ снесенія мѣстъ, въ которыхъ дѣлается указаніе на эти училища и сонмы Пророковъ, видно, что ихъ призваніемъ было пророчество (въ обширномъ смыслѣ) вмѣстѣ съ упражненіемъ въ музыкѣ (1 Цар. 10, 5. 19, 20 сл.). Но едва ли возможно думать, чтобы эти занятія, особенно послѣднее, не было соединено съ пѣніемъ и поэтическимъ воодушевленіемъ, т. е. упражненіемъ въ поэзіи, въ сложеніи гимновъ, притчей, гномовъ и др.—по тѣсной связи того и другихъ занятій и по взаимному ихъ вліянію. Эти учрежденія, говоритъ Генгстенбергъ,—стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ развитіемъ и цвѣтущимъ состояніемъ священной Еврейской лирики. Что пророчество было соединено у нихъ съ упражненіемъ въ священной лирикѣ, это видно изъ того, что они пророчествовали, имѣя свирѣли и тимпаны и сопѣли и гусли, что вовсе не было въ обыкновеніи у Пророковъ, имѣвшихъ призваніе только пророчествовать; по крайней мѣрѣ на это нѣтъ указаній въ пророческихъ книгахъ; далѣе объ этомъ отчасти лирическомъ характерѣ занятій учениковъ пророческихъ, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что вступившіе въ ихъ кругъ невольно сами пророчествовали, что возможно лишь при сильномъ поэтическомъ возбужденіи; такого дѣйствія отъ обыкновенныхъ пророковъ на прочихъ людей не видно изъ священныхъ книгъ. Можно потому думать, что эти училища пророч. весьма много содѣйствовали развитію священной Еврейской поэзіи.

Тѣсныхъ отношеній Давида, который составляетъ эпоху въ развитіи священной Еврейской поэзіи, къ этимъ учрежденіямъ или школамъ пророч. изъ исторіи не видно. Впрочемъ, при

разсмотрѣннн того высокаго значенія, которое имѣеть Давидъ въ развитіи священной Еврейской поэзіи, не нужно опускать изъ виду его самыхъ близкихъ отношеній къ Самуилу,—настоятелю сонмовъ пророческихъ, съ которымъ онъ разъ былъ, по свидѣтельству исторіи, между учениками пророческими, когда Саулъ посылалъ искать его (1 Цар. 19, 18—24); не нужно опускать изъ виду, что онъ чрезъ Самуила избранъ и помазанъ былъ на царство, состоялъ подъ особеннымъ покровительствомъ великаго пророка до самой смерти его,—и значитъ, подъ великимъ и вліяніемъ его. Но главнымъ образомъ личный характеръ Давида, его особенное положеніе какъ совершеннѣйшаго теократическаго царя и высокіе природные поэтическіе дары, подъ вліяніемъ Божественнаго Духа, содѣлали то, что онъ занимаетъ такое великое мѣсто въ развитіи священной поэзіи; только такой богатый природными дарами духъ, только такъ высоко стоящая личность и съ такимъ широко развитымъ во всѣхъ отношеніяхъ характеромъ, могъ начать новую эпоху въ этомъ отношеніи. Давидъ представляется какъ мужъ съ глубокимъ теплымъ чувствомъ, съ сильною впечатлительностію, съ душою вѣжною, съ характеромъ, проникнутымъ особенною сердечностію; таковымъ представляется онъ въ своихъ отношеніяхъ къ помазаннику Божію, конечно, отвергнутому, но все же помазаннику Божію, Саулу, потомъ въ отношеніяхъ къ Ионафану, къ своимъ женамъ, дѣтямъ и вообще окружающимъ; это былъ мужъ съ глубокимъ, истинно Израильскимъ благочестіемъ, мужъ по сердцу Божію (1 Цар. 13, 14), великій въ своемъ царскомъ величіи и славѣ,—великій въ своемъ смиреніи и покаяніи, великій въ брани Іеговы. Такіе характеры предназначаются къ совершенію великихъ дѣлъ. Къ этому присоединяются необыкновенныя обстоятельства его жизни; сначала идиллическія отношенія его простой, одинокой, пастушеской жизни; потомъ—вдругъ торжество славной побѣды надъ Голиаѳомъ, приобрѣтшей ему популарность, потерянную Сауломъ; потомъ величіе и слава царскаго престола, съ страшными бѣдствіями и нуждами при жизни Саула, частыми войнами въ послѣдующія времена. Онъ зналъ жизнь всякаго рода, зналъ и людей всякаго рода по собственному опыту. Наконецъ, нужно обратить вниманіе на высокое религіозное значеніе, какое онъ даровалъ идеѣ царства и царя и на высокое назначеніе его собственно лица. Въ Давидѣ осуществилось давнее ожиданіе и теплое желаніе Израиля видѣть себя подъ управленіемъ царя истиннаго,

великаго, возлюбленнаго Богомъ, посылающимъ за царя и чрезъ царя благословеніе на народъ свой; это былъ идеаль теократическаго царя, а царство Еврейское при немъ идеаломъ теократическаго царства; онъ былъ прообразомъ истиннаго царя—Мессіи,—и Богъ обѣщаетъ устроить престолъ его до вѣка. Проникнутый сознаниемъ этого высокаго значенія своего Божественнаго призванія и своего историческаго значенія въ теократическомъ царствѣ, живо чувствуя свое положеніе, Давидъ имѣлъ огромное вліяніе на свое время во всѣхъ отношеніяхъ, и—внѣшнихъ дѣйствіяхъ, и внутреннихъ распоряженіяхъ, въ томъ числѣ и въ развитіи священной Богослужебной поэзіи Евреевъ, такъ что онъ считался любимымъ пѣвцемъ Израиля, псалмы котораго благолѣпны, въ которомъ Духъ Господень глаголетъ, и слава Его на языкѣ его (2 Цар. 23, 1—3). Какъ скоро сдѣлался онъ царемъ надъ всѣми колѣнами Израилевыми, тотчасъ обратилъ заботливое вниманіе на устройство общественнаго Богослуженія, какъ кажется, утратившаго для народа великое свое значеніе въ смутныя времена судей. При этомъ священной поэзіи и инструментальной игрѣ онъ назначилъ весьма видное мѣсто, и—даже самъ при перенесеніи кивота завѣта въ восторженной радости скакалъ и игралъ. Образованіемъ хора пѣвцовъ, подъ управленіемъ трехъ начальниковъ пѣвцовъ Асафа, Емана и Идноума (1 Цар. 25, 1 сл.), онъ утвердилъ за священной лирикой и музыкой богослужебное значеніе и великое вліяніе на религіозную жизнь народа. Введенная имъ въ этомъ хорѣ пѣвцовъ священная игра на разныхъ инструментахъ не только глубоко напечатлѣвала въ сердцахъ всѣхъ благочестивыхъ Израильтянъ многочисленныя гимны, составленныя имъ же и положенныя на музыку, но возбуждала и другихъ даровитѣйшихъ и благочестивѣйшихъ между пѣвцами къ составленію, подъ вліяніемъ Божественнаго Духа, новыхъ пѣсней, въ которыхъ они, по примѣру своего царственнаго вождя и наставника, воспѣвали хвалы Богу. Таковы были Асафъ, сыны Кореевы или Карахиты, Еоамъ, Идноумъ. Собраніе этихъ вдохновенныхъ пѣсней, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ другихъ ранняго и позднѣйшаго происхожденія, составляетъ книгу, извѣстную въ Еврейскомъ канонѣ подъ именемъ Сеферъ Тегиллимъ, книга хваленій или псалтирь. Такъ Давидъ своимъ личнымъ характеромъ, своимъ высокимъ положеніемъ, значеніемъ и назначеніемъ и, наконецъ, своими великими творческими дарованіями, возвелъ Еврейскую поэзію, собствен-

но лирическую, до совершеннѣйшаго развитія и цвѣтущаго состоянія, которое принесло обильнѣйшіе и драгоцѣнные плоды.

Творческія дарованія Давида въ изобиліи наслѣдовалъ сынъ его Соломонъ, наслѣдовавшій и престолъ его. Онъ, по словамъ книги Царствъ, изрекъ три тысячи притчей и пѣсней его было 5000, или по подлиннику 1005. Притчи, хотя далеко не всѣ, этого мудраго, удивлявшаго своихъ современниковъ, царя дошли до насъ въ книгѣ Притчей Соломоновыхъ. Но изъ его пѣсней, кромѣ Пѣсни пѣсней, Екклесіаста, двухъ псалмовъ и молитвы послѣ освященія храма—не сохранилось никакихъ (почему такъ, увидимъ). Въ плодovitости творческаго дара, какъ видно, Соломонъ превзошелъ своего отца, и эта плодovitость свидѣтельствуется о великомъ богатствѣ этого періода поэтическими произведеніями; но, по своему содержанію и характеру, Соломоновская поэзія не стоитъ выше вдохновенной поэзіи Давида, хотя во внѣшней формѣ и изяществѣ выраженія и превосходитъ опять ее. Какъ величіе и блескъ, богатство и миръ внѣшній царствованія Соломонова, были плодами Давидовыхъ войнъ и побѣдъ: такъ и поэзія Соломонова времени представляетъ только болѣе богатое развитіе насажденнаго и возвращеннаго Давидомъ. Оттого вся она носитъ характеръ спокойной невозмутимой объективности, тогда какъ поэзія Давидова является выраженіемъ глубокаго субъективнаго ощущенія; та—плодъ спокойнаго созерцанія и наслажденія; эта—плодъ глубокаго сильнаго чувства, окриленнаго быстрымъ полетомъ фантазіи. Къ этому присоединяется въ Соломоновой поэзіи болѣе широкой кругъ міросозерцанія, равно какъ болѣе оконченность и круглота внѣшней формы, что составляетъ одно изъ отличительныхъ качествъ поэзіи Соломонова времени. Поэзія гномовъ, которая въ краткихъ, но полныхъ внутренняго содержанія притчахъ, пословицахъ, загадкахъ, поучаетъ премудрости, возведена Соломономъ до такой высокой степени совершенства, до какой не достигала она никогда у Евреевъ, послѣ которой Евреямъ не оставалось желать ничего большаго и лучшаго. Объ этой круглотѣ и оконченности внѣшней поэтической формы этого періода свидѣтельствуется также форма книги Іова (если относить ее къ этому времени,—о чемъ впрочемъ мнѣнія различны). Такъ, Давидо-Соломоновскій періодъ, есть періодъ богатѣйшаго развитія священнон Еврейской поэзіи,—лирической и дидактической.

4) Но недолго продолжался этотъ цвѣтущій періодъ. Можно думать, что еще при великомъ Соломонѣ священная поэзія начала приходить въ упадокъ, не въ смыслѣ вѣшняго достоинства поэтическихъ произведеній, но въ смыслѣ низшаго направленія характера и духа самой поэзіи. Странное явленіе, — что изъ 5000 или 1005 пѣсней Соломоновыхъ сохранилось лишь не болѣе шести. Это показываетъ, что Соломонова поэзія измѣнила прежнему духу и характеру чисто священной поэзіи, уклонилась на другой путь, — такъ что ея нельзя было внести въ канонъ священныхъ Богодухновенныхъ книгъ, что его пѣсни не соотвѣтствовали ни требованіямъ богослужебнаго употребленія пѣсней, ни строго-теократическимъ требованіямъ, — что Соломонъ вносилъ и мірской элементъ въ свою поэзію. И въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что Соломонъ не всю жизнь свою ходилъ въ путяхъ отца своего Давида, по заповѣдямъ и повелѣніямъ Божественнымъ, но совратился въ слѣдъ боговъ чужихъ: блескъ и величіе его царскаго двора, роскошь и страсть къ женщинамъ постепенно удалили его сердце отъ оправданій Божіихъ, такъ что онъ создалъ капища, въ которыхъ конечно отправлялось служеніе чуждымъ богамъ. Мудрено ли, что при своихъ поэтическихъ возбужденіяхъ онъ лишался содѣйствія духа Іеговы, даже не могъ выносить, или по временамъ и принимать этого содѣйствія, — и потому не могъ создать Богодухновенныхъ пѣсней для богослужебнаго употребленія, и его поэтическіе восторги ограничивались тѣмъ, что производили мірскія поэтическія произведенія, не согласныя съ духомъ истинной теократіи, а потому и не могли быть внесены въ канонъ священныхъ книгъ? Иначе — не понятно, какъ произведенія такого царя, мудрости котораго дивились всѣ слышавшіе объ немъ народы, не только что Іудеи, имя котораго сдѣлалось синонимомъ мудрости, какъ пѣсни этого царя могли утратиться. Значитъ, онѣ были не нужны, — какъ бы лишнія; значитъ онѣ не имѣли достоинства религіозно-нравственной чистоты. Вмѣстѣ съ этимъ царемъ и народъ впалъ въ холодность и равнодушіе къ своей религіи, къ своему великолѣпному, только что возстановленному культу, съ великолѣпнымъ храмомъ, съ величественнымъ служеніемъ и торжественными жертвоприношеніями, и получилъ склонность къ чуждымъ Богамъ. Порожденное Самуиломъ и могуче поддержанное и споспѣшествуемое Давидомъ оживленіе теократическаго духа мало по малу опять начало ослабѣвать, холодѣть и замирать, и заступав-

пій его мѣсто духъ отчужденія отъ жизни въ Богѣ и уклоненія въ слѣдъ Боговъ чуждыхъ ясно выразился по смерти Соломона въ отпаденіи 10 колѣнъ отъ его преемника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ истиннаго Бога Іеговы и законнаго святилища. Съ тѣмъ вмѣстѣ и духъ Еврейской священной поэзіи, возбужденный Самуиломъ, широко развитый Давидомъ и Соломономъ, началъ измѣняться; огонь священной поэзіи началъ угасать. Ни во Израилѣ, который до самой гибели своей ходилъ по слѣдамъ Іеровоама, ни во Іудѣ, который, не смотря на усилія нѣкоторыхъ благочестивыхъ царей, хромалъ на обѣ ноги, колебался между служеніемъ Іеговѣ и служеніемъ чуждымъ богамъ, переходилъ отъ одного къ другому и обратно,—не было благопріятныхъ условій не только для дальнѣйшаго развитія, но и для поддержанія прежняго духа и силы священной поэзіи. Для этого оставались конечно пророки, умножившіеся въ это время. Но, тогда нужны были и являлись пророки болѣе дѣла, чѣмъ слова, въ родѣ Іліи, Елисея, Інуя, Самея и др., пророки, изъ которыхъ немногіе оставили намъ свои писанія; вся сила теократическаго духа сосредоточивалась въ угрожающихъ и карающихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ ихъ. Если въ оставшихся отъ этого времени рѣчахъ пророческихъ встрѣчается высокая и величественная образность, поэтическія изображенія извѣстныхъ предметовъ или состояній: то это уже не чистая поэзія, въ томъ видѣ, какъ она выразилась во времена Давида и Соломона; но поэзія какъ средство, какъ орудіе для достиженія цѣли, чтобы угрозы или кара подѣйствовали на народъ; поэзія здѣсь является въ той же формѣ, какъ прежде въ рѣчахъ Моисея или Навина; это поэтическія ораторскія рѣчи. При утѣшительныхъ рѣчахъ, при свѣтлыхъ пророчествахъ о будущемъ истинномъ теократическомъ царѣ и царствѣ, въ нихъ слышится часто еще тонъ лирической поэзіи,—сильной, глубокой и величественной; но это опять въ немногихъ рѣчахъ (у Іоила и первыхъ рѣчахъ Ісаи). Изъ произведеній чистой лирической поэзіи этого времени, отъ раздѣленія Еврейскаго царства на два до плѣна 10 колѣнъ Ассиріанами (въ продолженіе двухъ слишкомъ столѣтій) можно указать лишь на молитву Іоны, молитву царя Езекии (Иса. 38, 10 и дал.) и еще на нѣсколько пѣсней Ісаи, относящихся къ тому времени (гл. 12, 26 и др.). Великое нашествіе Ассиріанъ, окончившееся паденіемъ Израильскаго царства, образумило—было царство Іудейское, обратило—было его болѣе къ Богу своему. Езекиа

много сдѣлалъ для культа и богослуженія, потомъ Іосія былъ великій ревнитель религіи; но—тайная сила неотразимо влекла къ великому бѣдствію народъ Еврейскій: послѣ Езекии явился на престолѣ Манасія, жесточайшій гонитель пророковъ—представителей религіи, поклонникъ чуждыхъ Боговъ; за Іосією слѣдовали такіе же цари; послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ вспышекъ истинно-религіознаго чувства народъ глубоко падалъ, и бѣда была для него неизбѣжна. Въ это время, чѣмъ ближе царство Іудейское было къ гибели, чѣмъ болѣе испорченная масса народа заслуживала или подвергалась Божественному суду отверженія отъ лица Іеговы—Бога своего, тѣмъ сильнѣе и могучѣе разлавался голосъ пророковъ, возвѣщающій гибель безбожнымъ, спасеніе и миръ благочестивымъ. Въстѣ съ сильными карающими рѣчами ихъ болѣе появлялось рѣчей утѣшительныхъ,--рѣчей о будущемъ возстановленіи Израиля Мессією Христомъ, о будущемъ славномъ царствѣ Его. При настоящемъ безотрадномъ состояніи взоръ пророковъ съ отрадою останавливался на созерцаніи этого свѣтлаго будущаго и—рѣчь ихъ принимала чаще тонъ глубокой, свѣтлой лирики. Это особенно нужно сказать о рѣчахъ, помѣщенныхъ во второй части книги пророка Исаи, происхожденіе которыхъ мы относимъ къ времени помянутаго великаго похода Ассиріанъ на Іудею. Высокая, свѣтлая образность, глубокое отрадное чувство при созерцаніи славнаго царства Мессіи, сообщаютъ его рѣчамъ въ такой степени лирической характеръ, что они кажутся высокими гимнами въ прославленіе Мессіи и Его царства. Это пробудило и воодушевило священныхъ пѣвцовъ къ составленію новыхъ пѣсней лирическихъ, такъ что еще за нѣсколько времени до самаго плѣна замѣтенъ сталъ новый порывъ въ лирической поэзіи Евреевъ. Къ этимъ временамъ Езекии и Іосіи относится нѣсколько псалмовъ, помѣщенныхъ въ псалтири, въ это время, полагаютъ, жилъ Асафъ--младшій, составитель нѣсколькихъ псалмовъ.

Самый плѣнъ Вавилонскій, какъ величайшее народное бѣдствіе, поддержалъ и еще болѣе усилилъ это настроеніе народнаго духа и въ это время составлено довольно много пѣсней, вошедшихъ въ книгу псалмовъ. Впрочемъ поэзія всего этого времени не достигала и не могла достигнуть той степени высоты, силы и свободы, на которой находилась она въ цвѣтущее время Давида и Соломона. Если нѣкоторые псалмопѣвцы этого времени въ лирическихъ пѣсняхъ своихъ выра-

жають, соотвѣтственно высокимъ изображеніямъ Исаи,— успокоительную и сладостную вѣру во всемогущество и вѣрность Своему завѣту Іеговы: то съ другой стороны большая часть пѣсней, особенно составленныхъ во время самаго плѣна Вавилонскаго, при видѣ опустошенной и попранной язычниками святой земли, выражаютъ глубокую скорбь о томъ, что Іегова—Господь, повидимому оставилъ совершенно народъ возлюбленный свой,— отражаютъ въ себѣ какъ будто какую-то безнадѣжность, которая томить сердце пѣвца и обезсиливаетъ смѣлый полетъ воображенія. Унылый, чувствомъ собственной виновности и грѣховности проникнутый, плачь о великомъ несчастіи, постигшемъ народъ и землю, смиренное признаніе бѣдствія, какъ праведнаго, заслуженнаго наказанія, и грустное воспоминаніе о прежней любви Іеговы къ своему народу и милосердія къ нему, составляютъ основаніе для не смѣлой молитвы къ Божественной благодати и милосердію объ избавленіи изъ бѣды народа своего и восстановленіи падшаго, потерявшаго свое величіе и блескъ Сіона. Глубоко и—поразительно сильно выражается эта тяжелая скорбь Израиля объ отверженіи и изгнаніи своемъ изъ святой земли и разсѣлніи между язычниками и паденіи святаго града, въ плачѣ Іереміи Пророка. Но возвращеніи изъ плѣна народа, новыхъ пѣсней, кажется, мало составлялось; восстановленіе народа и его возвращеніе къ Богу отцевъ своихъ и святилищу, какое замѣтно по возвращеніи Евреевъ въ свою землю и восстановленіи храма выразилось рѣзкою оппозиціею грубому идолопоклонству, и въ прилѣпленіи къ писаніямъ своимъ древнимъ; новыхъ произведеній поэзіи не много замѣтно. Какъ Малахію, пророчествовавшимъ при Нееміи, окончилось пророчество въ народѣ Еврейскомъ, такъ послѣдними пѣснями Нееміи и Ездры, пѣтыми по восстановленіи втораго храма, окончилась вдохновенная поэзія Евреевъ. Новаго возбужденія поэтическаго духа, новыхъ произведеній поэзіи священной Богодухновенной съ тѣхъ поръ не было въ народѣ Еврейскомъ. Явились послѣ книги премудрости Іисуса сына Сирахова и премудрости Соломона; но въ нихъ уже не та поэзія, не тотъ могучій духъ и характеръ какъ въ прежнихъ произведеніяхъ священной Еврейской поэзіи, и—онѣ уже не приняты въ канонъ Богодухновенныхъ Еврейскихъ книгъ, а признаны только полезными и назидательными.

Особенное значеніе и назначеніе древняго Еврейскаго народа въ ряду другихъ историческихъ народовъ древняго міра заключается въ сохраненіи истинности и чистоты религіи. Это сохраненіе истинности и чистоты религіи есть основаніе существованія Еврейскаго царства, душа народной жизни. Другіе народы, вращаясь своимъ религіознымъ сознаніемъ внѣ истины, имѣли другія задачи въ исторіи, каждый свою; задача единственная народа Еврейскаго состояла въ сохраненіи истины религіи. Какъ трудна была эта задача, видно изъ частаго уклоненія народа съ пути истины; религія духа, какъ ни припаровлена она была къ состоянію Еврейскаго народа,—она часто была не понимаема, и народъ часто уклонялся къ религіямъ плоти, болѣе легкимъ и пріятнымъ, но ложнымъ. Отсюда съ замѣчательными духовными особенностями является этотъ народъ между другими народами. Въ своемъ естественномъ развитіи, когда онъ предоставлялъ себя себѣ самому, уклоняясь отъ путей Божіихъ, онъ является съ большими слабостями и заблужденіями; но подѣ Божественнымъ водительствоиъ, подѣ вдохновеніемъ Духа, когда онъ слѣдуетъ велѣніямъ Іеговы, когда проникается истинно духомъ своей религіи и освѣщается ею, онъ является съ высокими добродѣтелями и показываетъ міру удивительныя религіозно-нравственныя явленія. Такъ, эта чувственность и плотская извѣженность, свойственная Евреямъ вмѣстѣ со всѣми восточными народами, переходитъ въ удивительную мягкость и теплоту, религіозно-нравственнаго чувства; эта жестоковѣйность и упорство переходитъ въ непреклонную, непобѣдимую ревность по закону Іеговы; это малодушіе и трусость, какую часто замѣчаемъ въ немъ, переходитъ въ глубокое, чуждое остальной древности, чувство смиренія, покорности и покаянія, исполненныхъ теплаго стремленія къ молитвѣ предѣ Іеговою. Въ этомъ состояніи онъ является великимъ народомъ древности, когда всѣ духовныя силы его проникаются сознаніемъ всего величія и истинности его религіи, когда они сосредоточиваются въ ней и освѣщаются ею. На этой то почвѣ Еврейскаго народнаго характера выросла еврейская поэзія; подѣ такимъ то вліяніемъ религіи она широко развилась и расцвѣла. По такому близкому, тѣсному отношенію религіи къ поэзіи у Евреевъ, понятно, что эта послѣдняя должна необходимо имѣть и имѣеть религіозный характеръ. Богъ Іегова и Его законъ

въ разнообразѣйшихъ отношеніяхъ Еврейскаго народа къ нимъ—вотъ что составляетъ всю сущность и все содержаніе священной Еврейской поэзіи. См. приб. къ Тв. Св. Отц. час. 5, стр. 337 и д.

III.

1) Такъ какъ Еврейская поэзія, по своему внутреннему характеру и содержанію—поэзія священная, прекрасный плодъ, выросшій на почвѣ, откровенной религіи: то само собою понятно, что различіе родовъ этой поэзіи не укладывается и не можетъ уложиться въ рамку категорій, придуманныхъ Греками для означенія родовъ своей поэзіи, категорій—*эпической, лирической и драматической* поэзіи. Сообразнаго самому дѣлу раздѣленія Еврейской поэзіи на роды можно достигнуть лишь изъ сравненія ея особеннаго, основнаго характера съ тѣми различными формами, въ которыхъ ясно выразился этотъ характеръ. Когда религія Евреевъ въ своемъ полномъ содержаніи опредѣлена была прямо непосредственно Божественнымъ откровеніемъ и притомъ такъ, что ни одинъ человѣкъ не могъ чего-либо своего прибавлять къ нему, или отнимать что-либо: то этимъ самымъ положены были поэтическому воодушевленію границы, которыхъ оно при избраніи предмета, потомъ въ самомъ созерцаніи и поэтическомъ изображеніи избраннаго предмета не могло переступать. Священный поэтъ долженъ былъ искать и находить матерію для своихъ произведеній лишь въ кругу или области Божественнаго откровенія, истиннаго, въ его истинномъ отношеніи къ человѣческому духу и жизни или частнаго лица или всего общества народа, иначе его поэзія не была бы религіозною, священою, и не могла бы занять мѣста въ кодексѣ священныхъ книгъ. Непосредственное содѣйствіе Духа Іеговы священнымъ поэтамъ облегчало имъ возможность держаться именно въ этой истинной области, или лучше не позволяло имъ уклоняться въ область лжи, неистинности отношеній Бога—Духа къ духу человѣческому. Но когда священный поэтъ погружался сердцемъ и мыслию въ область откровенія, созерцалъ истинное отношеніе Бога къ человѣку, выражающееся въ словахъ и дѣлахъ: тогда онъ могъ только—съ одной стороны выражать впечатлѣніе, которое производитъ это созерцаніе на его сердце, въ лирической формѣ религіозныхъ чувствованій и сердечныхъ размышленій, съ другой, представлять священные предметы этихъ созерцаній въ наученіе, для развитія религіознаго вѣ-

дѣнія и спосѣшествованія требуемой закономъ чистотѣ нравственности, въ приложеніи къ многоразличнымъ отношеніямъ и положеніямъ религіозно-нравственной жизни. Отсюда возникаютъ два рода священной Еврейской поэзіи, поэзія *лирическая* и *дидактическая*, и—только; характеръ священной поэзіи и ея отношеніе къ религіи такія, какъ въ народѣ Еврейскомъ, не допускали въ поэзію ихъ двухъ другихъ родовъ, какіе замѣчаемъ у другихъ народовъ и особенно у Грековъ, и которые Греки называли эпосомъ и драмою; эпическая и драматическая поэзія были чужды Израильтянамъ, какъ не соединимыя съ жизнію по закону, съ Еврейскимъ особеннымъ религіознымъ міросозерданіемъ, вообще со всею экономіею Ветхаго Завѣта и съ непосредственнымъ содѣйствіемъ священ. поэтамъ Духа Іеговы.

2) Для образованія и развитія *эпоса* въ священной поэзіи Евреевъ не доставало не только представленія о смѣшеніи Божественнаго и человѣческаго при богато-развитой и многообразной миѳологіи, что совершенно необходимо для эпоса и эпического поэта, но еще болѣе не избѣжнаго, именно — свободнаго отношенія фантазіи поэта къ Божеству и религіи, причемъ было бы широкое мѣсто для эпическихъ вымысловъ, безъ чего никакъ не можетъ обойтись эпическое созерцаніе и миѳологическое представленіе дѣлъ Божественныхъ въ исторіи, что составляетъ основаніе эпической поэзіи. Исторія Израиля древняя была обильна великими дѣлами Божіими; но совершенно бѣдна великими самостоятельными дѣлами историческихъ великихъ личностей, называемыхъ обыкновенно героями: ибо все великое и славное, что совершено было въ теократическомъ Еврейскомъ царствѣ, а равно и въ патріархальный періодъ, въ которомъ была та же теократія, только подъ другою формою, — все, говоримъ, великое и славное было совершено крѣпкою рукою и простертою дланью Іеговы, причемъ великіе мужи, которыхъ онъ употреблялъ для осуществленія своихъ высокихъ намѣреній, были не болѣе, какъ служебные органы, какъ внѣшнія орудія для совершенія великихъ дѣлъ. Смѣшенія Божественнаго и человѣческаго, героическихъ личностей (въ смыслѣ язычesk. героевъ), значить, здѣсь быть не могло, а это препятствовало образованію самаго представленія объ эпосѣ. Здѣсь человѣкъ не восходилъ до Божественнаго, и Божественное не психодило до человѣческаго; то и другое отдѣлялось ясно, — одно какъ всемогущее, всесильно — неограниченно дѣйствующее, другое, какъ

слабое, немощное, неспособное само по себѣ ни къ чему великому и служащее только орудіемъ совершенія великаго и славнаго. Правда и въ эпосахъ великіе герои стоятъ обыкновенно подъ вліяніемъ боговъ и богинь,—олицетворенныхъ силъ природы, которыя приходятъ въ столкновение между собою, воплощаясь въ личностяхъ героевъ. Но у Евреевъ не было такого разнообразія боговъ съ неодинаковыми стремленіями; у нихъ одинъ Іегова неизмѣняющійся; потому и отношеніе его къ людямъ другое, неизмѣнно одно, праведное; потому здѣсь и не можетъ быть героевъ—въ смыслѣ греческомъ, —нѣтъ самостоятельности въ орудіяхъ исполненія воли Іеговы, какъ была она въ герояхъ языческихъ, безъ чего не могло быть и эпоса. Къ этому присоединяется еще то, что всѣ великія дѣла Божіи въ Израилѣ служили одной великой цѣли, которая въ словѣ откровенія такъ ясно и внятно была выражена, что творческая фантазія поэта никакъ не могла уклониться отъ прямого смысла ея и дать мѣсто свободѣ въ опредѣленіи этого смысла и возрѣнія и такимъ образомъ преобразовать представленіе объ извѣстномъ прошедшемъ ради искусственно—поэтической цѣли. Слово и дѣло Іеговы въ исторіи Израиля идутъ рука объ руку и уже самымъ закономъ выражающейся въ нихъ исторической истины устраняютъ эпическое представленіе ихъ, основанное на законѣ изящнаго, —при чемъ идеальной отвлеченной истинѣ необходимо бываетъ жертвовать истинностью исторической. Такъ наприкладъ не можетъ быть вопроса о томъ, какою силою и по чьей мудрости Израиль такъ чудесно освобожденъ изъ Египта и введенъ въ обѣтованную землю, или для какой цѣли все это случилось; творческой фантазіи здѣсь нѣтъ свободы въ созерцаніи этого событія въ эпической формѣ; ибо Богъ—Іегова ясно опредѣлилъ и выразилъ это народу чрезъ раба своего Моисея: все это сдѣлалъ лишь одинъ Іегова своею сильною мышцею и рукою высокою; и это записано въ книгѣ съ неложныхъ словъ Іеговы посланникомъ Божіимъ;—поэтъ значить не могъ уже представить этого событія въ эпической формѣ. Притомъ же Еврею было предписано прямо и неуклонно одно извѣстное положеніе въ отношеніи къ откровенію или слову Божію: онъ долженъ былъ упражняться въ законѣ Іеговы день и ночь; но не такъ, чтобы не обузданно умствовать и фантазировать о существѣ Божіемъ и отношеніи его къ міру вообще и въ частности къ Израилю, но такъ, чтобы стараться дѣлать по закону Господню, исполнять его

заповѣди. Вотъ какъ Самъ Богъ опредѣляетъ отношеніе къ писанному слову Своему одного изъ великихъ людей Израиля, — что можетъ быть отнесено и ко всему Израилю: крѣпился и мужайся зѣло хранить и творити, якоже тебѣ заповѣда Моисей рабъ мой, и не уклонися отъ нихъ ни на десно, ни на лѣво, да смыслиши во всѣхъ яже творити; и да не отступитъ книга закона сего отъ устъ твоихъ и да поучаешься въ ней день и ночь; да уразумѣши творити вся писанная; тогда благоуспѣши и исправиши пути твоя и тогда уразумѣши. (Нав. 1, 7—8). Вотъ что значитъ поучаться въ законѣ Господни; вотъ отношеніе Еврея къ закону и откровенію, — какъ прошедшему, такъ и настоящему. При такомъ отношеніи Еврейскаго поэта къ прошедшему своему, не было свободы для его фантазіи — представить событіе въ эпической формѣ. Вотъ почему и видимъ мы, что если нѣкоторые священные поэты, напримѣръ Асафъ — въ Псал. 77 и писатель Псалмовъ 104 и 105, дѣлаютъ предметомъ своихъ пѣснопѣній событія изъ древней исторической жизни Еврейскаго народа: то у нихъ выходитъ не эпическая, а чисто дидактическая поэзія, то есть они изображаютъ событія давно минувшихъ дней съ цѣлю наученія или показанія Божественныхъ путей въ исторіи народа, а не съ цѣлю пластико-эпическаго изображенія полноты идеальной жизни народной, собственно внутренней, въ ущербъ внѣшней, исторической дѣйствительности, то есть не съ эпической цѣлю, которая не примирима съ нравственною важностію дѣлъ откровенія и съ историческою истиною. Нужно было разорвать связь съ не ложнымъ, совершеннымъ словомъ откровенія, чтобы создать не совершенный эпосъ, вмѣстѣ съ міеологіею; но это было невозможно для священнаго Еврейскаго поэта.

Такимъ образомъ самое отношеніе Еврейскаго поэта къ религіи и прошедшему и самая сущность его религіознаго міросозерцанія стоитъ въ непримиримой противоположности къ эпосу, — не говоря уже о непосредственномъ соотношеніи Богодухновеннаго поэта съ дѣйствіями на него духа Іеговы, — духа истины.

3. Равнымъ образомъ для образованія и развитія драматической поэзіи не доставало у Еврейскихъ поэтовъ необходимыхъ основоположеній. Представлятъ книги Іова и Пѣснь пѣсней хотя не собственно драматическими священными произведеніями, но только начатками драмы, — это поверхностное, совершенно не историческое представленіе о происхожденіи

и существѣ драмы, какъ будто основаніе ея заключается въ произволѣ человѣка, и характеръ ея состоитъ только въ изображеніи другихъ лицъ съ извѣстными положеніями и дѣйствіями и въ діалогической формѣ рѣчи. Въ такомъ случаѣ драму можно находить вездѣ, у всѣхъ народовъ, во всѣ періоды ихъ развитія, потому что показанныя качества есть у всѣхъ и всегда. Но исторія совершенно противорѣчитъ этому. Извѣстно, что драма была развита у одного только изъ древнихъ народовъ — Грековъ, отъ которыхъ собственно и перешла она къ другимъ народамъ, и происхожденіе ея у нихъ объясняется изъ характера праздниковъ въ честь Бахуса и соединенныхъ съ нимъ поэтическихъ воодушевленій; это пробудило потребность въ собственной такъ называемой драмѣ, — изображеніи силы и истины характеровъ въ коллизіяхъ; нынѣшнее представленіе о драмѣ, ея характерѣ и отношеніи къ духу человѣческому — это представленіе новѣйшихъ временъ о драмѣ, чуждое древнимъ, кромѣ развѣ Грековъ и то не въ разумномъ сознаніи, а въ темномъ предощущеніи. Отсюда эта неразрывная связь древней драмы съ бурными празднествами у Грековъ, а равно и у тѣхъ, къ кому она перешла отъ нихъ на примѣръ у Индійцевъ, гдѣ она особенно развилась послѣ того, какъ греческая цивилизація проникла туда и водворилась, хотя и не надолго. Евреи не имѣли подобныхъ празднествъ, которыя могли бы породить или содѣйствовать развитію драматической поэзіи; ихъ народные праздники, — при Богослуженіи и жертвоприношеніяхъ въ законномъ святилищѣ народномъ были хотя праздники веселія и радости, но эта радость, это веселіе были священными, выразившимися предъ Іеговою, которыя исключали всякую мимику, всякое драматическое представленіе. Ежели истина и святость ветхо-завѣтной религіи дѣлали не возможнымъ образованіе и развитіе эпоса: то еще менѣе при этомъ могла быть мысль о драматической поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, — книга Іова, на примѣръ, представляя рядъ обширныхъ рѣчей объ одномъ и томъ же предметѣ произнесенныхъ самимъ Іовомъ и его друзьями и заключительную рѣчь Іеговы, обращаетъ вниманіе исключительно на предметъ разговора; ни характеровъ, ни дѣйствій, ни положеній, ни коллизій ничего относящагося къ драмѣ нѣтъ; между тѣмъ какъ въ собственной драмѣ это на оборотъ. Тоже должно сказать и о Пѣсни пѣсней, только та еще живѣе. (Это мы увидимъ яснѣе при разсмотрѣніи самыхъ этихъ книгъ). Если, замѣчаетъ одинъ писатель совершенно справед-

ливо, на книгу Иова смотрѣть какъ на видъ Еврейской священной драмы: то Платона и Цицерона непременно пужно почестъ драматургами; но такой нелѣпости никто не скажетъ: ибо одна діалогическая форма дѣйствительныхъ или вымышленныхъ личностей не есть драма, а въ книгѣ Иова только и есть. У Евреевъ никогда не было извѣстно драматическое представленіе,—равно какъ и у другихъ симитическихъ народовъ;—наконецъ драма никогда не являлась ранѣе эпоса; а эпоса, какъ замѣчено, у Евреевъ не было и не могло быть,—значить и драмы,—даже начатковъ драмы, какъ не было начатковъ и эпоса.

4. За отсутствіемъ эпоса и драмы остаются въ Еврейской поэзіи, какъ мы сказали, лирическая и дидактическая поэзія. Къ первому роду, который можно назвать Еврейскимъ словомъ thehilla, относятся всѣ тѣ пѣсни, въ которыхъ вдохновенные поэты высказывали свои чувствованія и сердечныя размышленія о Богѣ, Бож. міроуправленіи, судьбахъ народа и проч., напримѣръ пѣсни Моисея и Деворы, нѣкоторыя изъ рѣчей Иова, большая часть псалмовъ, плачь Іереміи и нѣкоторыя пѣсни въ пророческихъ книгахъ; ко второму роду, который можно охарактеризовать Еврейскимъ словомъ maschal, относятся тѣ поэтическія произведенія, въ которыхъ священные Еврейскіе поэты заключили ученіе объ истинахъ религіи и правила мудрости человѣческой, облекши ихъ въ поэтическія формы,—чтобы живѣе и тверже напечатлѣть ихъ въ памяти народной. Этотъ родъ поэзіи Еврейской имѣетъ главнымъ образомъ двойкій характеръ: ея произведенія частію принадлежатъ къ области такъ называемаго сравнительнаго искусства, раскрывающаго мысли чрезъ описаніе другихъ подобныхъ или противоположныхъ предметовъ, сравненій, подобій и пр.,—частію суть обширныя поученія, выраженные въ поэтическихъ округленныхъ изреченіяхъ, или же краткія изреченія, имѣющія видъ пословицъ, загадокъ и апоегмъ. Таковы — книга Иова, Еклезіаста, Пѣсни пѣсней и Притчей. Впрочемъ трудно отдѣлять лирико-поэтическія произведенія отъ дидактическихъ, потому что съ одной стороны и дидактика часто прерывается лирикой и лирика часто принимаетъ видъ поэзіи дидактической. Нѣчто среднее между собственно—лирическими и дидактическими произведеніями занимаютъ обличительныя и увѣщательныя рѣчи пророковъ: отъ чисто лирическихъ пѣсней онѣ отличаются тѣмъ, что выражаютъ не одни лишь чувства пророковъ, не одну скорбь

о беззаконіяхъ Израиля, не одно благоговѣніе ихъ предъ величіемъ, святостію и другими совершенствами Иеговы,—не одно погруженіе въ судьбы Божественнаго міроуправленія и пр., но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ прямую цѣль подѣйствовать на умы и сердца народа,—что сообщаетъ имъ характеръ дидактической поэзіи; отъ чисто дидактическихъ произведеній отличаются они тѣмъ, что въ нихъ преобладаетъ сила чувствованій надъ спокойнымъ размышленіемъ и высокая живость картинъ надъ простотою изложенія.

I. О книгѣ Іова.

I. Книга Іова имѣетъ предметомъ своимъ разрѣшеніе важной проблемы, которая, какъ увидимъ изъ подробнаго анализа книги, глубоко лежитъ въ жизни человѣка подъ Теократіею, именно—какъ относятся страданія праведника къ Божественной правдѣ? Съ одной стороны, весь законъ есть свидѣтельство и явленіе правды Божественной; почему исполнителю закона и обѣщается благословеніе и въ этой жизни и въ будущей; но съ другой стороны въ жизни бывають и такіе случаи, что человѣкъ праведный, исполняющій волю Божию со всѣмъ усердіемъ и вѣрою, вмѣсто благословенія, терпитъ бѣдствія, а человѣкъ беззаконный, вмѣсто наказанія, живетъ благополучно и даже счастливо. Гдѣ тайна такого Божественнаго міроуправленія? Евангеліе ясно разрѣшило этотъ вопросъ; но для человѣка ветхо-завѣтнаго, въ теократическомъ царствѣ особенно оставленнаго въ разрѣшеніи этого вопроса лишь себѣ самому, этотъ вопросъ не могъ быть довольно ясенъ; у него выходило одно изъ двухъ: или нѣтъ правды Божіей, или нѣтъ истиннаго благочестія человѣческаго. Не разъ и прозорливое око ветхо-завѣтныхъ мудрецовъ съ недоумѣніемъ останавливалось на разсмотрѣніи таковыхъ явленій и задумчиво вопрошало Бога: что яко путь нечестивыхъ спѣется? Само собою разумѣется, что испытаніе такого отношенія правды Божіей къ правдѣ человѣческой представляетъ важный и богатый предметъ для священной поэзіи Евреевъ: изображеніе состояній и думъ страждущаго невинно праведника, его взглядовъ на себя и на правду Божию въ отношеніи къ себѣ, взглядовъ и сужденій другихъ объ этомъ,—здѣсь мѣсто и для высоко-лирической и для дидактической поэзіи. Въ псалмахъ (36, 48, 72), притчахъ (3, 11—12, 13, 21 сл.) и у нѣкоторыхъ пророковъ этотъ пред-